

В полутёмном коридоре мягкий тёпло-жёлтый свет растекался по стенам. Мужчина, стоявший внутри комнаты, слегка потемнел взглядом.

Ещё до того, как Ло Чжие собирался отказать.

Цзянь Шанвэнь, словно заранее угадывая каждый его шаг, улыбнулся и заговорил:

— Шучу-шучу, ничего готовить не буду, всё уже в пакете — это десерты из «Шанпинсюань», их сделали сегодня в обед. Я положил их в контейнер, они очень вкусные. И не переживайте, никто ничего не узнает.

Ло Чжие на мгновение замолчал.

Цзянь Шанвэнь не торопил его — просто держал пакет в руке и с лёгкой улыбкой смотрел на него.

Под тихое мигание камеры наблюдения в коридоре высокий мужчина наконец сделал шаг назад:

— Заходи.

Глаза Цзянь Шанвэня изогнулись в улыбке:

— Спасибо.

Как и ожидалось, комнаты всех участников отличались друг от друга. Эта, принадлежащая Ло Чжие, совсем не походила на наполненное холодным блеском технологий пространство Фэй Чэна — здесь всё было куда более старомодно и изысканно. Уже с порога открывался высокий кабинет с полками, заставленными разнообразными книгами — место, идеально подходящее для такого серьёзного, почти «кабинетного» человека, как Ло Чжие.

Кондиционер тихо наполнял комнату прохладой — лёгкой и приятной.

— Садись где удобно, — сказал Ло Чжие.

Цзянь Шанвэнь устроился на диване. Он достал из пакета термоконтейнер и аккуратно поставил его на стол. Крышка открылась — внутри оказались изящные пирожные: матча с молочной начинкой, освежающие и совсем не приторные, и ещё шоколадно-ореховые — плотные, с хрустящей текстурой.

Ло Чжие бросил на них взгляд:

— Ты изучал мои вкусы?

Разложив всё, Цзянь Шанвэнь убрал руки и спокойно ответил:

— Мы ведь раньше работали в одной съёмочной группе. Рядом была кондитерская «Юньцзи». Когда я туда заходил, однажды встретил вашего ассистента — она стояла передо мной в очереди.

Ло Чжие чуть прищурился:

— «Запечатанный город»?

Цзянь Шанвэнь слегка удивился:

— Откуда вы знаете?

— Только в той съёмочной группе и пробовал один раз, — ответил Ло Чжие.

Его тон по-прежнему оставался холодным и отстранённым, но в нём уже не было прежней настороженной оценки. Он чуть приподнял взгляд:

— Откуда ты понял, что она покупала их для меня?

Цзянь Шанвэнь тихо усмехнулся:

— У «Юньци» десерты недешёвые, к тому же каждый день продаются в ограниченном количестве и только для постоянных клиентов. Обычные люди их не берут.

Ло Чжие лениво вскинул веки:

— Но ты тогда тоже там был.

Смысл его слов был очевиден: ты называешь себя «обычным», но сам ведь покупал в «необычном» месте.

— А, я тогда просто выполнял поручение, — легко ответил Цзянь Шанвэнь.

Он сидел на диване, и мягкий свет комнаты ложился на его худое, красивое лицо. Улыбка была спокойной, почти беззаботной:

— В тот период я был массовой на съёмках. Вы же знаете, у таких, как мы, времени всегда больше, чем нужно.

Ло Чжие ничего не ответил.

Он действительно был голоден. С самого дня, с момента перелёта и работы, он только дремал и отдыхал, почти ничего не ел. Желудок у него и без того был слабым, а увидев на площадке жареный рис, он и вовсе потерял аппетит.

Десерты из «Юньци» были одними из немногих вещей, которые он действительно любил.

И всё же он к ним не притронулся.

— Ты специально купил их днём, — произнёс Ло Чжие, сидя на диване, скрестив длинные ноги. Его лицо оставалось бесстрастным, но аура давления ощущалась отчётливо. — Чтобы вечером принести мне и получить голос симпатии?

Он почти прямо сказал: у тебя довольно изощрённый расчёт — ты решил использовать меня в открытую.

Но Цзянь Шанвэнь не проявил ни тени растерянности. Он лишь мягко улыбнулся:

— Да.

Ло Чжие слегка нахмурился.

— В шоу открыли рейтинг популярности, — продолжил Цзянь Шанвэнь. — Там есть шкала симпатии и антипатии. У других участников, возможно, завтра и не будет голосов симпатии, но их всё равно будут любить. Только я... у меня, скорее всего, самый низкий рейтинг. Репутация плохая, инвесторы меня не жалуют. Если я не получу хотя бы один голос симпатии, меня могут просто убрать.

Он совершенно ничего не скрывал — сказал всё прямо, без попытки приукрасить.

Ло Чжие приподнял бровь:

— И ты не боишься? Так откровенно пытаешься меня просчитать... Думаешь, я всё равно буду к тебе расположен? Или не скажу режиссёру заменить тебя?

Актёр его уровня мог годами удерживаться на вершине индустрии не просто так. Ло Чжие никогда не давил на других статусом или гонорарами, не устраивал бурных сцен — но даже его спокойное, равнодушное выражение лица уже создавало ощутимое давление. С его положением ему даже не нужно было прямо требовать чьей-то замены — достаточно было показать неприязнь к кому-то в кадре.

Остальное сделали бы за него: фанаты, инвесторы, вся система.

Цзянь Шанвэнь не стал оправдываться. Он просто кивнул:

— Боюсь.

Тёплый жёлтый свет мягко рассыпался по его фигуре. Сейчас он выглядел совсем иначе, чем днём, когда стоял у барной стойки и одаривал его яркой, почти ослепительной улыбкой. Вдали от ярких огней и толпы он сидел тихо и спокойно. Белая рубашка была чуть расстёгнута, обнажая тонкие ключицы.

Он говорил, что боится — и всё же остался здесь, прямо перед ним.

— Если бы у меня был другой выход, я бы не стал идти на такой риск, — тихо сказал Цзянь Шанвэнь.

Он опустил голову, длинная линия шеи мягко изгибалась — покорно, почти беззащитно.

— Но я правда хочу остаться. Даже если это не изменит мнение зрителей... пусть шанс всего один на тысячу — я всё равно хочу попробовать.

В комнате повисла тишина.

Взгляд Ло Чжие остановился на нём — на этом человеке, который словно поставил всё на кон.

Он сидел спокойно и послушно, почти неподвижно. Лишь едва заметная дрожь густых ресниц выдавала скрытую тревогу. Он напоминал рыбку, лишённую корней, что беспомощно плывёт по воде — не зная, когда накроет следующая волна. И всё, что ему остаётся — цепляться за любую возможность, за любую опору, способную спасти.

Красота, от которой захватывало дух — и вместе с тем отчаянная, безвозвратная решимость.

И вдруг...

Ло Чжие неожиданно вспомнил самого себя.

Это было очень давно — в юности. Тогда он был всего лишь незаметным статистом в индустрии развлечений, на съёмочной площадке его постоянно гоняли по поручениям, использовали как мальчика на побегушках. Даже в самый лютый зимний холод у него порой не находилось ни глотка горячего чая.

В тот день, когда он решился подойти к продюсеру и предложить себя... он ведь тоже был таким же неловким? Зная, что шанс ничтожен, что его могут попросту выгнать со съёмок — и всё равно шёл до конца, с той же безоглядной решимостью.

А продюсер тогда лишь усмехнулся:

«Какая разница, насколько ты хорош? Без популярности и без капитала — кто станет смотреть фильм с тобой?»

Годы прошли.

Даже встретив людей, которые разглядели в нём талант... даже став актёром, собравшим все главные награды — он так и не смог забыть те времена, когда каждый шаг давался через отчаяние и боль.

И вот теперь, эти давно запечатанные воспоминания неожиданно ожили — благодаря человеку перед ним.

Ло Чжие помолчал, затем тихо спросил:

— Почему ты выбрал именно меня?

Цзянь Шанвэнь поднял на него взгляд.

— В этом шоу есть не только я, у кого есть влияние, — продолжил Ло Чжие, не сводя с него глаз. — Почему ты пришёл просить именно меня?

Цзянь Шанвэнь на мгновение опустил ресницы, словно обдумывая ответ, затем мягко улыбнулся:

— Потому что... тогда, на съёмках, один рабочий случайно повредил вашу вещь. На месте другого человека это бы так просто не прошло. Но он честно объяснил вам всё — и вы дали ему шанс исправить ошибку.

Он тихо добавил:

— Может, для вас это был пустяк. Но я тогда понял... что вы очень внимательный и добрый человек.

Ло Чжие слегка удивился.

Он сам уже не помнил тех мелочей — не помнил ни того рабочего, ни того, какие именно сладости выбирал тогда в «Юньцзи».

Но Цзянь Шанвэнь — помнил всё.

В мягком свете лампы комната казалась ещё тише.

Человек на диване поднял взгляд и смотрел прямо на него. В этих красивых, чуть вытянутых глазах — словно цветы персика в полном цвету — отражался только он один. В них светилась улыбка, а в глубине прятались едва уловимые ожидание и тревога.

Где-то глубоко внутри Ло Чжие вдруг произошло едва заметное изменение.

Холодный мужчина с подавляющей аурой отвёл взгляд. Протянув длинную руку, он взял со стола одно из пирожных. Даже ел он так же, как жил — сдержанно и элегантно, и это невольно притягивало взгляд.

В тишине комнаты его голос прозвучал мягко и низко, с приятной хрипотцой:

— Давай ты тоже.

— Мм? — откликнулся Цзянь Шанвэнь.

— Помню, вечером у барной стойки ты тоже ничего не ел, — спокойно добавил Ло Чжие.

Цзянь Шанвэнь улыбнулся, глаза его изогнулись:

— Я ел. — Он моргнул, хитро, почти по-лисьи. — Я набил чемодан едой. На всякий случай — вдруг тут кормить не будут.

Ло Чжие невольно усмехнулся.

Обычно холодный и сосредоточенный, погружённый в работу, он редко позволял себе такие лёгкие эмоции — но этот человек перед ним каким-то образом умел его развеселить.

— Как на вкус? — спросил Цзянь Шанвэнь. — Я держал их в контейнере... текстура не изменилась?

Ло Чжие покачал головой:

— Всё отлично.

— У них дорогие десерты, да и достать их сложно, если ты не постоянный клиент. Наверное, пришлось долго стоять в очереди. Ты постарался, — сказал он. Ло Чжие никогда не любил быть в долгу. — Завтра попрошу ассистента перевести тебе деньги.

Цзянь Шанвэнь улыбнулся ещё шире, будто облегчённо:

— Не нужно, тут всего лишь пара пирожных. Если за это я получу хоть немного вашей симпатии, господин Ло — значит, я уже в выиграл эту жизнь!

Ло Чжие поднял на него взгляд.

Юноша на диване словно ожил — улыбался так светло, как будто сухие ветви наконец напитались дождём. Из-за того, что он съел принесённое им, тот явно был искренне счастлив.

Неужели получить его голос симпатии — действительно так радостно?

Десерты были нежными, таяли во рту... но выражение лица напротив трогало куда сильнее. Ло Чжие не знал всех подробностей его положения, но, похоже, жизнь у него действительно была нелёгкой — раз он оказался вынужден обратиться к нему.

И холод в его взгляде наконец смягчился.

— Завтра я отдам свой голос тебе, — произнёс он.

Улыбка Цзянь Шанвэня стала ещё мягче, почти сияющей — словно в его глазах вспыхнули звёзды:

— Правда? Спасибо вам огромное, господин Ло... я так рад.

Когда он вышел из комнаты, наивная искренность в его глазах чуть померкла.

Как же тут не радоваться.

Узнав о том, через что прошёл Ло Чжие в юности, он понял: чтобы тронуть его, одной лишь слабости недостаточно. Нужно быть слабым — но с примесью стойкости. Только так можно пробудить в нём желание защитить.

В прошлой жизни Сюй Ян именно так и поступил — притворяясь, он в финале шоу даже устроил сцену с «самопожертвованием», едва не лишившись жизни, и лишь тогда смог хоть немного тронуть Ло Чжие.

Человек, прошедший через все бури шоу-бизнеса, видел слишком многих, кто пытался пробиться через постель. Лгать ему или изворачиваться было бесполезно. Напротив — именно откровенность могла зацепить его.

Десерты были всего лишь поводом постучаться в дверь.

С самого начала, едва войдя, он ненавязчиво подводил разговор к своему прошлому статиста, пробуждая в нём воспоминания и сочувствие, вовремя показывая свою уязвимость. Пусть путь был не самым гладким — результат всё равно оказался тем, что нужно.

Размышляя об этом, Цзянь Шанвэнь шёл по коридору.

И вдруг, когда он проходил мимо одной из дверей, она резко распахнулась. Он не успел среагировать, как чья-то рука схватила его и втянула внутрь.

От неожиданности он растерялся, сердце ещё колотилось. Когда он поднял голову — и, увидев стоящего перед ним человека, широко распахнул глаза от удивления.

<http://bllate.org/book/17232/1617587>